

The background of the cover is a dark, atmospheric painting of a stormy sea. In the lower half, a small, crowded boat is seen struggling against massive, dark blue and black waves. The sky is dark and moody, with some light reflecting off the water's surface. The overall tone is dramatic and somber.

Дмитрий Верхотуров

Покорение Сибири

Мифы и реальность

16+

Дмитрий Верхотуров

**Покорение Сибири:
мифы и реальность**

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Верхотуров Д. Н.

Покорение Сибири: мифы и реальность / Д. Н. Верхотуров —
«ЛитРес: Самиздат», 2004

ISBN 978-5-532-09557-1

История русского завоевания всегда была покрыта более или менее толстым слоем мифологии, из которых наиболее известные мифы утверждали, что якобы русские открыли Сибирь, страну до них совершенно дикую, или что якобы присоединение Сибири было мирным, крестьянским освоением. В этой книге показано, что подобное представление крайне далеко от реальности. Сибирь и до русских имела свою историю и культуру, и была известна другим народам задолго до того, как русские о ней услышали, и это было именно что завоевание, долгое, упорное и кровавое, в ходе растянувшейся на десятилетия войны.

ISBN 978-5-532-09557-1

© Верхотуров Д. Н., 2004
© ЛитРес: Самиздат, 2004

Содержание

Предисловие к книге "Песок на крови"	5
Белгисиз жак, или неизвестная страна	5
Память короткая и избирательная	8
Как сфальсифицировать историю?	11
Сибирский размах	13
"А зачем нам знать?"	15
Миф первый. Покорение Сибири Ермаком	18
Автора, автора!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Предисловие к книге "Песок на крови"

"История Сибири есть в конечном итоге история ее освоения"
В. Г. Мирзоев

Белгисиз жак, или неизвестная страна

Посмотрите на карту России. Взгляд, самым первым делом, падает не на центральные районы страны, где находятся Москва и Петербург, древние русские города и живет большая часть жителей России. По опыту проверено, взгляд при рассмотрении карты России падает в первую очередь на Сибирь, где-то в районе Красноярска, Кемерово, Барнаула, то есть практически в самый географический центр страны, находящийся в Красноярском крае.

Если рассматривать карту Европейской части России, то взор сразу упирается в густую сеть городов, населенных пунктов, деревень, дорог, рек. Дальше можно, переходя от одного города к другому, от одной области к другой, искать нужное место. Но не так рассматривается Сибирь. Взгляд здесь скользит вдоль длинной нитки Транссибирской магистрали, на которую будто бы нанизаны крупнейшие города Сибири и Урала: Екатеринбург, Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск. Взгляд ползает по десяткам тысяч километров Васюганских нефтяных болот, по многочисленным горным кряжам Саян, и скользит вдоль хорошо заметных даже издали великих сибирских рек: Оби, Иртыша, Енисея, Лены.

Есть что-то захватывающее в рассматривании этой огромной территории, в миллионы квадратных километров. Взгляд легко перескакивает по карте с Новосибирска на Красноярск, между которыми в действительности более 800 километров, и полсуток езды на поезде. Взгляд легко обзревает огромные пространства тайги и диких гор между Красноярском и Норильском, которые в действительности, простираются на три с половиной тысяч километров, и пересечь их можно, главным образом, на самолете или вертолете.

Но, посмотрели, и зададимся вопросом: а много ли мы знаем об этой стране, по площади которой так легко скользили взглядом?

Все мы в школе, а кто-то и в университете, изучали историю. Мы подробно изучали историю Европы, историю Руси, и потому в памяти отложились, у кого хуже, а у кого лучше, ключевые события. Легко можно вспомнить, когда и где произошло крещение Руси, где и в каком году было Ледовое побоище и так далее. А что вот помнится обычному человеку об истории Сибири? Первое, что будет сказано – покорение Сибири Ермаком!

Это, конечно, не значит, что история Сибири вообще началась именно с этого события. Однако, если посетить несколько сибирских музеев, если перелистать с десятков книг по сибирской истории, то окажется, что это утверждение – история Сибири начинается с Ермака – не так уж и далеко от истины. Если взять пятитомник "История Сибири с древнейших времен до наших дней", выпущенный в 60-х годах под редакцией академика Алексея Павловича Окладникова, то в нем истории дорусской Сибири посвящен всего один том. Мы еще много раз вернемся к рассмотрению этого замечательного памятника ученой мысли. Сейчас нас больше всего интересует соотношение. В первом томе рассматривается история Сибири от палеолита, примерно от 30–40 тысяч лет назад, до прихода русских включительно. Второй том посвящен уже вопросам истории феодальной Сибири, а это уже XVII–XVIII века. Третий том посвящен капиталистическому развитию Сибири, то есть истории XIX века. Четвертый том – это революционные события, а пятый – социалистическое строительство и торжество социализма в Сибири.

Итак, историческое время длиной в 40 тысяч лет, в том числе и все время дорусской истории, а также первого времени завоевания Сибири русскими, занимает всего 20 % объема всего капитального исторического труда новосибирских историков. 300 лет русского господства – 80 %.

Пятая часть – это еще хорошо! Не так и сложно насобирать целую стопку книг по истории Сибири или сибирских городов, в которой кратко, страницах на 20–30, скороговоркой, описываются события дорусской истории, а затем автор переходит к самому интересному – описанию того, как русские "пришли и володели". Шутки шутками, но это отношение характерно даже для сегодняшних времен, и одну из таких книг написал ачинский краевед Г. С. Лопаткин "Летопись града Ачинска". Он собрал уникальный материал по истории города, в частности, восстановил полный список его градоначальников от 1683 года до 2001 (года издания книги). Но, сколько я его не просил, дорусская история Ачинска заняла в общей сложности 40 страниц в большом, 600-страничном фолианте.

Есть еще более разительные примеры. В отличной книге "Красноярск и красноярцы", выпущенной в 1978 году к 350-летию города, дорусской истории Красноярска нет. Вообще нет. Не было тут никого и ничего, пока Андрей Дубенский не пришел и не поставил острог.

Итак, владеем большой страной, истории которой не знаем. И, похоже, что и не хотим знать.

История часто любит пошутить над нашим невежеством, сыграть с нами какую-нибудь беззлобную шутку. Как раз в те самые годы, когда печатался замечательный юбилейный том "Красноярск и красноярцы", когда экскаваторы разрушали остатки Красноярского острога и казачьего кладбища времен основания города, на Часовенной горе, возвышающейся над левым берегом Енисея, было найдено средневековое погребение очень богатого и влиятельного воина, жившего в XIV веке. Воин имел полное вооружение: саблю, копье, кинжал, лук и колчан со стрелами, богатую одежду, а также в его могиле были найдены два великолепных серебрянных сосуда. Это погребение словно бы указывало беспамятным потомкам завоевателей, что у этой земли в древности были богатые и знатные хозяева. Только урок, как мне кажется, впрок не пошел.

Мне скажут: "А ты-то откуда все это узнал, если ничего не известно?". Отвечу: мне просто повезло, и свое знакомство с историей Сибири я начал с археологии. По неписанной, но свято соблюдаемой традиции сибирские археологи, за немногим исключением, практически не изучали и не раскапывали остатки русских острогов, городов и поселений. Их внимание было полностью сфокусировано на изучении древней истории Сибири.

О, это удивительный мир, который еще ждет своего летописца. Курганы с высокими камнями, рисунки, выбитые на мягких песчаниковых скалах, стелы с диковинными личинами, скрывают в себе следы древней и очень глубокой истории, превосходящей по древности даже славянскую историю. От того, давно ушедшего мира, остались прекрасной красоты вещи, оружие, остатки поселений и культовых мест. Остались хвастливые победные записи и эпитафии тюркских правителей, каменные стелы, поставленные в честь неизвестных нам событий. В пригороде Абакана раскопаны развалины дворца, в котором жил Ли Лин, китайский генерал эпохи династии Хань. Это был человек сложной судьбы, который стал, в конце концов, правителем рыжебородых динлинов на западной окраине хуннской державы. Ли Лин был современником гражданских войн в Риме, и управлял крайне воинственным народом, погребения воинов под большими курганами которого и сейчас то там, то тут разбросаны по хакасской степи. Воины этого народа так часто погибали на чужбине, что в традицию вошло сооружение многочисленных кенотафов и погребение кукол, заменявших тело погибшего.

В соприкосновении с сибирскими древностями было две приятных и завораживающих стороны. С одной стороны, конечно, завораживает древность. Трудно передать ощущение, когда берешь в руки тюркский палаш VI века, почерневший от времени и без рукоятки. Это

оружие использовалось в те времена, когда еще только-только появились первые славянские государства, и Москвы еще не было на карте. Таким оружием тюрки покорили огромную территорию от берегов Восточно-Китайского моря до низин Каспия. Заржавевший наконечник стрелы с костяной свистулькой когда-то с пронзительным визгом настигал и впивался в чье-то тело. В железное стремя с тонкой серебрянной инкрустацией воин могущественного Кыргызского каганата ставил свой сапог перед отправкой в завоевательный поход. Рисунок лося, врезанный в красноватый песчаник пять тысяч лет назад, видел тысячи рассветов и закатов, перед ним проходили сотни поколений людей, в том числе и я. Стоит только представить себе эту толщу времени, чтобы голова пошла кругом.

Потом добавилось другое ощущение, что ты прикасаешься к тайне, к большому массиву неизведанного, и известного только очень узкому кругу людей. Сибирская история, я имею в виду конечно подлинную историю, не выходит из кабинетов ученых, из лабораторий археологов и из музейных хранилищ.

Почему получилось так, что мы не только не гордимся древностью и красотой сибирской земли (а то все больше нефтью и газом), но и не знаем ничего об этом? Причина заключается в том, что так было выгодно и необходимо для становления и укрепления государства Российского. Причина забвения сибирской истории заключается в исторической мифологии России.

Память короткая и избирательная

В начале XVI века, в царствование Ивана III, в Московском государстве начала складываться историческая мифология, которая и по сей день определяет наши воззрения на мир, на собственную и чужую историю.

Этот политический и исторический миф многообразен и многогранен. Им превозносили успехи, замазывали поражения и оправдывали преступления. Этот миф – есть система связанных между собой мифологем, которые образуют глобальный миф, пронизывающий все общественное сознание в России, и забирающийся в личное мировоззрение русского человека.

Долгое время не было даже названия такому мифу. Но недавно оно появилось. Впервые оно дано в книге Андрея Буровского «Русская атлантида», вышедшей в 2003 году. В ней автор посвятил целую главу рассмотрению о описанию этого мифа. Этот миф в ней характеризуется таким образом: «Большой московский миф – это очень удобный миф. И одновременно – очень практичный для собирания русских земель и для управления русскими. Управления – из Москвы, разумеется» (Бушков А., Буровский А. Россия, которой не было-2. Русская атлантида. Красноярск-Москва, «Бонус»-«Олма-Пресс», 2003, с. 37).

В более или менее окончательном виде Большой Московский миф (БММ) сложился в XVII веке, при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, а дальше только дорабатывался, развивался и утверждался.

В XVII веке идея исключительности Московии, возникшая еще при Дмитрие Донском, превратилась в идею исключительности русских перед другими народами. Возникло и закрепилось в Московии такое, очень скромное, самоназвание – хрестьяне. Идея трансформировалась в идею Святой Руси, которую нынче очень любят всякие ура-патриоты, которая утверждала, что только русские, живущие в Московии являются истинными христианами, тогда как весь остальной свет – нехристи, да и вообще, чуть ли не пришельцы с того света. Это идея национальной исключительности в чистом виде.

В «преемственности» князей московских от киевских, выведенной впервые в 1563 году в «Степенной книге», уже в Московии никто не сомневался, и утверждение того, что Москва является наследником Киева и Владимира стало общим местом.

К XVII веку идея царебожия, которая постепенно устанавливалась еще со времен Андрея Боголюбского, полностью укрепляется в Московии. В 1669 году дьяк Разрядного приказа Федор Грибоедов написал сочинение с говорящим названием: «История, сиречь повесть или сказание вкратцы о благочестно державствующих и свято поживших боговенчаных царях и великих князьях их в российской земле богоугодно державствующих, начени от святого и равноапостольного князя Владимира Святого...».

Вот, московские цари стали уже и «боговенчанными», а правление их «богоугодным». К слову сказать, основателя династии московских князей Александра Батыевича Невского, русская православная церковь причислила к лику святых, а князь Владимир, проводивший крещение Руси и вовсе был зачислен в равные апостолам святые.

В том же XVII веке идея древности династии превратилась в идею древности русского народа. В 1674 году, по благословлению архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля вышел в свет «Синописис», составленный на основе переработанной Ипатьевской летописи. Он содержал в себе обширное изыскание о происхождении славян, которые выводились из глубокой древности, из времен скифов и сарматов. «Синописис» оказался очень востребованной книгой, и переиздавался 30 раз, при том, в последний раз в 1836 году.

Суть всей этой мифологии сводится к тому, что единственное законное, и единственно возможное государство на Руси – это Московское государство. Это знаменитая идея о Руси, как о "Третьем Риме", которую в 1523 году вывел старец псковского Елеазарова монастыря

Филофей, в послании к царю Ивану III. Если быть точным, то она звучала так: «Два Рима пали по грехам своим, третий же стоит, а четвертому не бывать».

Сейчас можно и не уловить пафос этой идеи, острие которой было направлено против Речи Посполитой, в которой тогда проживало более половины всех русских на свете. Московия старалась утвердиться как единственное русское православное государство, и постоянно предъявляла претензии к Речи Посполитой на управление русскими, бывшими поданными польского короля.

На формирование БММ оказало большое влияние политическое событие мирового и исторического значения – падение Константинополя в 1453 году. Вышло так, что к началу XVI века, осталось только два независимых православных государства: Московское княжество и Псковская федерация.

Московиты это политическое событие и его последствия истолковали совершенно своеобразным способом – приписали все себе. В самом конце XV века, или в самом начале XVI века появляется сочинение «Сказание о князьях Владимирских». Как полагают, оно было написано человеком по имени Спиридон-Савва, который сам представлялся митрополитом, а современники знали его под прозвищем «Сатана». В этом своем сочинении он вывел предков князей Владимирских и Московских из Пруса, который, де, был потомком самого императора Августа. И подчеркнул «высокое происхождение» перед литовской династией Гедиминовичей, которые, де, произошли от конюха.

В этом же сочинении был еще один миф о том, что византийский император, будто бы послал князю Владимиру Мономаху знаки власти – шапку и скипетр, тем самым вручив право на царствование. Тому нет никаких подтверждений, однако миф живет и по сей день, и в Кремле до сих пор хранится шапка Мономаха со скипетром. Этому мифу уже около 400 лет.

Идеи мифотворца не были должным образом оценены при жизни автора, и Спиридон-Савва умер в заключении. Но спустя некоторое время это возведение династии к Августу было использовано царем Иваном IV.

В 1512 году появился «Русский хронограф», русское сочинение по всемирной истории, в которой выводилась мысль об особой роли Руси, в смысле, Московии в мировой истории. Мол, поскольку Московия – есть "Третий Рим", четвертого не будет, потому и все русские православные люди должны жить именно в Московии. Правда, практическая реализация этого намерения постоянно наталкивалась на польскую армию.

Речь Посполитая потом ослабела, потерпела ряд поражений и была в конечном итоге разделена Пруссией, Австрией и Россией. Но идея о том, что Россия есть единственное законное и возможное государство на той территории, которую она занимает, очень пригодилась впоследствии. Уже в петровское время старая идея была перелицована на новый лад. Император Петр, прозванный Великим, провозгласил Россию надеждой всего просвещенного человечества. Просвещение, вышедшее из Константинополя, обошло всю Европу, возвращается в Россию, чтобы здесь остаться на веки вечные. Правда, и с этим тоже выходило как-то не очень. Просвещение шло в Россию медленно и неохотно, и не обходилось без импортных профессоров.

При всей видимой разности целей и подходов, как во времена Алексея Михайловича, так и во времена Петра Алексеевича имел место одинаковый подход к тому, что было на территории, подвластной сначала московским царям, а потом и российским императорам. Все отличное от русского и православного, оставшееся от тех пор, когда территории еще не входили в состав государства Российского, искоренялось и предавалось забвению. При Алексее Михайловиче потому, что было бесовским, чужеродным и враждебным для истинно православного государства. В то время даже поездка в другие земли страны считалась грехом, а человек, попавший в чужую сторону, считался грешником, и должен был каяться. Поэтому на захваченных землях проводилось крещение населения, разрушение иноверческих храмов, святынь.

Конкретно в Сибири повально уничтожались идола, святилища, вырубались священные деревья. Сохранялось только то, до чего русские не смогли дотянуться.

При Петре Алексеевиче и в более поздние времена все нерусское и не православное истреблялось по другим мотивам, как коренным образом противоречащее идеям просвещенной Европы, и единственно верному и справедливому устройству общества. Русские отступали только тогда, когда или коренное население сильно уж превосходило русских по численности, или же оно оказывало активное вооруженное сопротивление.

Скажут: "А как же научные подвиги исследователей Сибири и землепроходцев?". В том-то все и дело, что мы слишком привыкли считать, что только европейская наука сохранила для нас культурное наследие азиатских народов. Ныне покойный палестинский ученый, доктор Эдвард Саид в своей книге «Ориентализм» показал, как востоковедение помогало закреплению господства европейцев над неевропейскими народами, как оно, вычлняя и сохраняя отдельные элементы культуры изучаемых народов, помогало уничтожению условий воспроизводства и, главное, развития этой культуры. Книга д-ра Саида получила высокую оценку. Госпожа Мадлен Олбрайт назвала ее более опасной, чем все террористы мира, вместе взятые.

Точно так же дело обстоит и на сибирском примере. Ученые, которые действительно были честными, преданными науке (в том смысле, в каком ее понимали) людьми. Они действительно собирали ценные материалы и коллекции. Но вместе с тем уничтожались условия существования и развития нерусских народов Сибири. Скажут, правильно, ибо русский быт более правильный и чистый. Но речь-то идет не о быте. Исчезал язык нерусских народов, а вместе с ним и предания, легенды, мифы этих народов. Вместе с языком исчезала сама возможность понять внутренний мир и культуру. Не зная языка, нельзя понять эти легенды и сказки, пришедшие из глубины времен, нельзя проникнуть в тайны смысла образов и понятий. Ныне одно из самых бесплодных направлений в этнологии – это изучение мифов и легенд, потому что в большинстве случаев исследователи никаким языком, кроме родного русского не владеют.

Итак, завоеватели пришли, навязали свою веру, язык и культуру, истребили по мере сил и возможности культурное наследие завоеванных. Это все понятно. Но действие Большого Московского мифа гораздо более шире и глубже, чем просто насаждение русской культуры среди нерусских народов. Если так можно сказать, это только первый этап. Второй этап состоит в том, чтобы в максимальной степени убедить уже русских в том, что так было всегда, от начала времен.

Большой Московский Миф направлен в самую первую очередь на русских. Покоренные народы, лишенные своей культуры и языка, лишенные самостоятельного голоса в рамках русского общества, не представляют большой опасности. Главная опасность состоит в том, что часть русских может узнать о существовании дорусской истории и культуры завоеванных земель, начнет интересоваться, искать, изучать, учить языки покоренных народов и так далее. То есть, вроде бы становиться уже и не совсем русскими. Если этот процесс пустить на самотек, то вскоре окажется, что чужая культура оказывает влияние на русскую. А это уже чревато общественными и политическими сдвигами, крайне опасными для любой империи.

То время, когда Большой Московский Миф работал на насаждение русской культуры и православия среди завоеванных народов, давно прошло. Мы сейчас имеем дело с другим его воздействием. Историческая мифология, ведущая свое происхождение от идеи Москвы- "Третьего Рима", старается нас убедить, что на всей территории России, от Прибалтики до Тихого океана, никто и никогда не жил, кроме русских. Здесь, если верить мифам, никогда не было цивилизации, а археологические находки – это остатки жизни диких племен, никому не интересных, и в анналы не занесенных.

Как сфальсифицировать историю?

Каким же образом историческая мифология насаждает неверное представление об истории? Первое, что может прийти в голову – историки лгут. Это самая популярная и самая неправильная точка зрения. Историки как раз не лгут, за вычетом отдельных случаев. Профессия у них такая – писать правду и только правду с опорой на источники.

Если можно писать только правду, да еще с опорой на документы, то как же составить миф, отличный от истинного положения дел, как небо от земли? Это можно сделать достаточно просто. Давно известно, что из любой правды легко сделать неправду, при этом от нее не отступая ни на шаг. Для этого просто достаточно говорить правду, правду и только правду, но далеко не всю правду.

Итак, прием простой: нужно из достоверной информации сделать выборку. И эта выборка, проведенная с заранее поставленными целями, станет сбивающей с толку. Все сведения, изложенные в истории Сибири, верные. Все они имели место быть. Но при этом история Сибири в целом, составленная историками (кто именно отличился на этом поприще, мы разберем впоследствии), ложная.

Но и этого еще недостаточно. Во всякой неполной выборке быстро станут заметными пробелы и лакуны, тем более, что историки не дремлют, и продолжают искать в библиотеках и архивах новые материалы и факты. Прием неполной выборки хорош, но работает не всегда, и не для всех. Сколько-нибудь опытного и обученного историка сбить с толку таким способом нельзя. Но крайне необходимо в целях процветания и укрепления мифа. Нужно добиться, чтобы сам историк стал производителем и распространителем мифов, и тогда их уже ничем нельзя будет перебороть. Тогда уже само сообщество историков будет бороться против ниспровергателей мифов.

Как же этого достичь? Есть прием. Надо разделить единое пространство сведений об истории на части, и воздвинуть между ними как можно более толстые и высокие перегородки. Историю надо отделить от археологии, чтобы историк не мог проверять свои выводы археологическими находками, а археолог руководствоваться в поисках историческими сведениями.

Еще в 30-х годах в советской исторической науке прошла дискуссия о том, является ли археология частью истории. С тех пор споры и не стихают, хотя повелось считать археологию обособленной вспомогательной исторической дисциплиной, вроде как к самой истории имеющей весьма косвенное отношение. Прошло такое мнение не без помощи правительства, создавшего Институт Археологии АН СССР (теперь РАН), которому торжественно было вручено право разрешать и запрещать раскопки, и, соответственно, определять, кто археолог, а кто нет.

Необходимо также и саму историю разделить на части, которые также торжественно называли «специальностями». Историков по Руси выделить в одно сообщество, историков по Западной Европе – в другое, историков еще чего-то там – в третье, четвертое и какое еще нужно сообщество. Каждому сообществу дать свой журнал. И пусть все варятся в собственном соку, не общаясь друг с другом, не обмениваясь информацией. Все публикации, конференции, встречи – только для своих по сообществу. А то не уследишь, как крамольные мысли разползутся среди историков.

И получилось в итоге, что каждый историк всю жизнь работает на узком пространстве документов и источников, ограниченном высокими и толстыми перегородками, возведенными в интересах развития и укрепления исторической мифологии. Историк, если это не бунтарь и не отщепенец, ничего не видит, кроме небольшой камеры в рамках своей «специальности». Добыть информацию из области другой «специализации» он не может, потому что его этому не учили, а постоянного общения со специалистами в этой области у него нет в силу «цеховой» организации исторической науки.

Чтобы отдельные настырные товарищи не перелезли эти перегородки, сверху на всех нужно опустить плиту «официальной» версии истории. Эта версия истории делается так. Из особо отличившихся обитателей камер-"специальностей", отбираются особо преданные товарищи, которым поручается под контролем государственных или партийных политруков «обобщить» данные и "сделать весомый вклад" в историческую науку. Им даются нужные политические установки, как нужно провести это обобщение, хотя, впрочем, избранные товарищи и сами отлично понимают, что нужно сделать. Представитель отдельной камеры-"специальности" в государственной иерархии, получает необходимые звания, полномочия и ресурсы, и осуществляет контроль над своей областью. Чтобы в ней все знали "свое место", а отдельные смутьяны вовремя получали отпор и всеобщее осуждение.

В царские и советские времена, когда такая система работала лучше всего, время от времени проводились показательные расправы над инакомыслящими, для предупреждения появления у историков крамольных мыслей.

В силу подобной организации исторической науки, и ее внутренней иерархии, официальная версия истории – это чаще всего не то, что одобрено государством, хотя и такое встречается. Официальная версия – это то, что пишет официально и общепризнанный (попробовали бы, не признали!) глава школы, направления, а то и всей исторической науки в целом. Все, что выходит из его священных уст, и из-под его священной руки – истина, какую бы чушь он при этом не нес.

И, наконец, есть третий способ сделать из правдивой истории лживую, не отступая при этом от исторической правды. Надо труды официально и общественно признанных глав школ и направлений издать максимально широкими тиражами. Этот способ активно использовался при Советской власти, когда труды глав науки тиражировались гигантскими тиражами. Кроме того, надо поручить этим же товарищам составление учебников по истории для школ и вузов. В общем, надо добиться, чтобы основная часть литературы по истории, особенно тиражные издания, содержали нужную версию истории, «скорректированную» в нужном направлении. Расчет очень простой: официальная версия, много-много раз повторенная, приобретает права нерушимой истины. Остальное: малотиражные монографии, сборники научных работ с духоподъемным названием "братские могилы" – не в счет. Хотя скажу, что это именно та самая лазейка, которой я пользовался для сокрушения официальной версии истории завоевания Сибири.

Вот так и фальсифицируется история. Каждый историк говорит и пишет правду, опираясь на достоверные данные. Выходят книги и капитальные труды, особенно маститых академиков. Все прилично и благопристойно, и совесть каждого конкретного историка чиста. Но на выходе выходит ложь. Вот такая интересная система.

Сибирский размах

Сибирскую историю, в отличие от большинства других примеров, подделывали и фальсифицировали с особым размахом и не особенно считаясь со средствами. Заявить о том, что Сибирь была малонаселенной и засыпанной снегом землей, о том, что "история Сибири есть история ее освоения" – это бесстыдство в самой высшей степени. Когда Окладников редактировал "Историю Сибири", в особенности первый том, книга замечательного археолога С. В. Кисилева "Древняя история Южной Сибири" уже успела выдержать два послевоенных издания и стать классикой. Окладников был археологом и не мог не знать эту книгу. В этой удивительной книге Сергей Васильевич Кисилев заставил говорить обычно немые археологические находки, и показать, какая была яркая и бурная жизнь в Сибири в древности. И потому, когда Окладников или писал сам, или редактировал абзацы других авторов об "освоении Сибири", он шел против исторической истины и против ученой честности. Но академику Окладникову и коллективу авторов не грозила анафема ученого сообщества, и вот почему.

Фальсификации способствовал сам характер источников и условия работы. Сибирская история не нашла широкого отражения в летописях и исторических сочинениях. Сведения о ней рассеяны среди китайских, арабских, монгольских, уйгурских (изданных микроскопическими тиражами) исторических хроник и сочинений. Для того, чтобы извлечь эти сведения оттуда, надо обладать хорошей подковкой в области изучения истории и культуры соответствующей страны, да еще и древнего языка, если источник не переведен и не опубликован. Далеко не всякий историк даже до революции обладал такой подготовкой. Тогда хорошо знали французский, немецкий, латынь, но вот с китайским, уйгурским и монгольским, как-то не повелось. Впрочем, и сегодня положение коренным образом не изменилось.

А теперь о средствах. Вообще-то, источники по истории Сибири переведены с китайского и опубликованы на русском языке 200 лет назад. Отец Иакинф, глава Русской православной миссии в Китае, в миру Николай Бичурин (его книги выходили под двумя именами: Иакинф (Н. Бичурин), помимо своей прямой деятельности, прекрасно выучил китайский язык, и более двух десятилетий собирал и переводил китайские исторические хроники. Его собрания сведений о народах Средней и Центральной Азии, извлеченные из китайских сочинений, были опубликованы еще при его жизни. Известно, что книги отца Иакинфа читал А. С. Пушкин.

Современники и потомки хорошо отблагодарили отца за подвижнический труд. Отец Иакинф умер в страшной нищете, в сырой келье с заживо гниющими ногами. Его труды несколько раз переиздавались после смерти, в том числе и в 50-х годах XX века, но его собрания долго практически игнорировались историками. Для официальной версии истории Сибири ни самого отца-подвижника, ни его сочинений как бы не существовало. Не то, чтобы эти сведения ложны – нет. Они истинны и достоверны; в этом за 200 лет никто не усомнился. Но они как бы не имеют отношения к сибирской истории.

Были переводы и публикации арабских, персидских, монгольских и уйгурских источников. Просто мне они меньше известны, хотя я часто встречал ссылки на них в трудах крупных и серьезных ученых. И здесь было такое же положение: и сами источники, и сведения из них для официальной сибирской истории как бы не существовали.

На страницы иностранных исторических хроник попало лишь то, что дошло до ушей и глаз хроникеров. Это ничтожное меньшинство событий. Что же касается внутренних событий в Сибири, то в нашем распоряжении почти исключительно только археологические источники. Археолог В. И. Матюшенко говорил по этому поводу: "Археологические материалы освещают широкий хронологический диапазон: со времен первоначального появления предков человека в Сибири и до XVI–XVII века. Это значит, что археологические источники освещают, по сути дела, все исторические этапы в жизни Сибири, в чем и состоит их особенная значи-

мость" (Матюшенко В. И. Древняя история Сибири. Омск. "Издательство ОмГУ", 1994, с. 11). Это исключительно сложный материал, который дает миллиграмм результата на тонну работы.

Лучше всего освещен период русского завоевания Сибири, который отложился в многочисленных русских документах.

Оказывало свое влияние и своеобразное положение Сибири. Сибирским народам страшно не повезло. Они оказались под властью одной короны, одной власти, крайне не заинтересованной в том, чтобы эти народы имели самостоятельный голос. И у официальных историков (то есть официально признанных) появилась уникальная возможность: установить монополию на источники, на документы и материалы. Это делается для того, чтобы любопытствующий иностранный историк не смог бы проверить построения официальных историков, и, при случае, не имел бы материала для опровержения.

Монополия на источники, конечно, не означает, что иностранный историк не может получить к ним доступ. Может. Только цена за доступ – согласие, хотя бы формальное, с официальной версией. Или не работай по этим темам, или же выскажись в поддержку и становись сам заложником официальной версии истории государства Российского.

Теперь представьте положение официальных авторов истории Сибири. Сядьте в кресло академика Окладникова и прикиньте: источников мало, да и те русские, главным образом; есть полная монополия на источники, и никакие иностранные критики не страшны; свои критики подвластны, и каждому историку-критику ответственный редактор может сломать карьеру. В таких замечательных условиях будете ли вы стремиться писать правду? Нет, конечно. В таких условиях безопасно писать все, что угодно, ибо критики не будет никакой. Религиозный человек, может быть, побоялся бы Бога, но вот Алексей Павлович Окладников стал заходить в церковь только перед самой смертью, много спустя после того, как вышли в свет тома "Истории Сибири".

"А зачем нам знать?"

Мне, как ниспровергателю исторической мифологии, необходимо считаться с тем, что люди настолько привыкли к неправде, сжились с ней, что уже и правда становится как-то и не совсем нужна. Нужно считаться и с тем, что очень и очень многие люди повторили ложь в своих сочинениях и работах, а кое-кто сделал на этом ученую карьеру. Даже в принципе согласные со мной, они будут сопротивляться моей работе.

Первый мой довод за пересмотр истории русского завоевания Сибири обращен к историкам. Поскольку даже официальная версия истории основана на достоверных фактах, то ломать ее всю не нужно. Не зачем. Нужно сломать главную перегородку, которая отделяет верное представление от неверного: что русское завоевание Сибири будто бы было легким и бескровным. Если отказаться от этого тезиса, то вся работа по изучению русского расселения в Сибири, русского хозяйства, торговли и городов нисколько не потеряет в ценности и важности.

Более того, отказ от этого тезиса откроет сразу две новые области изучения сибирской истории. Первая область – это история войн, которые длились в общей сложности более 200 лет. Вторая область – это отношения русских с сибирскими и центральноазиатскими народами. Кроме этого, каждый историк Сибири сможет открыть и в своей теме новые аспекты и грани.

Можно сказать так: официальная версия истории русского завоевания Сибири, настоящая на исторической мифологии, украла у историков лучшие темы и интереснейшие вопросы.

Второй мой довод обращен к жителям Сибири. Положение сибиряков в стране, как жителей далеких индустриальных окраин, как поставщиков нефти и газа, как доноров для всей страны, во многом определяется исторической мифологией. Ведь обоснование идей для политических проектов черпаются из прошлого. Если сказано, что сибиряки живут в "слабонаселенной, заснеженной стране", чуть ли не на целине, то и нечего им жаловаться на свою судьбу и требовать лучшей участи. Пусть себе добывают газ и нефть, плавят чугун и алюминий, и будут этим довольны.

Причина неравноправия центра России и Сибири коренится в этом мифе. Вокруг Москвы за века созданы толстые напластования мифов о том, что здесь столица, центр, финансы, образование и культура. Поэтому при планировании нововведений вполне логично кажется, что управление, в месте с ним и финансы, снабжение и все остальное, нужно разместить именно в Москве. А если вокруг Сибири созданы мифы о том, что страна не более чем "заснеженная целина", то о каком управлении здесь можно говорить? На "заснеженной целине" можно разместить только карьер, рудник, завод в лучшем случае с убогим рабочим поселком.

Надо понимать, что миф сильнее рациональных доводов. Если перекрыть нефте- и газопроводы, прекратить отгружать уголь, сталь, алюминий, и прочую продукцию, прекратить пользоваться московскими банками, то от благополучия Москвы быстро ничего не останется, ибо вся экономика центра России завязана на сибирские ресурсы.

Русские прожили в Сибири вот уже более 300 лет, вобрали и ассимилировали коренные народы, и они вполне могут считаться наследниками всей древней сибирской истории и культуры. Дворец Ли Лина, курган и чаа-тас одинаково родные как для хакаса из Абакана, так и для русского из Минусинска. В этом самом Минусинске можно видеть много лиц, словно сошедших с таштыкских погребальных масок начала I тысячелетия нашей эры. Для русских в Сибири история динлинов, Тюркского и Кыргызского каганата стали такой же общей историей, как и история России.

Как наследники этой древней и богатой культуры, более древней, чем русской, русские в Сибири могут потребовать себе подобающего отношения:

Москвич: "Да что у вас там, в Сибири, только тайга и снег".

Сибиряк: (доставая из кармана копию китайского бронзового зеркала династии Хань) "Вот оригинал этого зеркала привезли к нам тогда, когда ваши предки еще из землянок не вылезли. А у нас уже была высокая культура".

Я надеюсь дожить до того времени, когда в Сибири начнут изучать и гордиться своей древней культурой, языками своих степных предков.

Мой третий довод обращен к политикам. Исторические мифы Московского государства сыграли свою роль в становлении и укреплении России. С этим даже и не надо спорить, потому что это есть исторический факт. Но надо понимать, что теперь времена изменились. В XVII веке России хватило сил для завоевания и подчинения столь огромной территории. В XXI веке сил может не хватить даже на удержание того, что досталось в наследство. И силы государства Российского значительно ослабели, да и восточные регионы теперь стали развитыми и сильными. Удержать их в России нельзя, если продолжать держать жителей Сибири на положении людей "второго сорта", на положении сырьевой колонии. Китай, предложив приемлимые условия присоединения типа "одна страна – две системы", вполне может получить сибирские территории без потерь и даже с поддержкой населения. Кричать и посылать войска тогда будет поздно.

Удержать Сибирь в России можно только опираясь на сибиряков, предоставив им широкие права в рамках федерации. А для этого надо официально отказаться от насаждения представления о Сибири как о "заснеженной земле" и "источнике сырья".

Моя работа построена таким образом. Я взял три наиболее распространенных мифа о завоевании Сибири, которые бытуют в исторической литературе и публицистике: миф о покорении Сибири Ермаком, миф о крестьянской колонизации и миф о том, что никаких войн не было. В частях книги я даю краткое изложение мифа, краткую справку о его происхождении, а потом разбираю сведения, накопленные историками, которые излагают более или менее реальную историческую обстановку. Каждый читатель, таким образом, сам может сделать вывод о том, соответствует ли миф реальной обстановке или нет.

Я отлично понимаю, что в настоящей книге тема только чуть-чуть затронута, но ни в коей мере не разобрана до конца. Этому препятствовали трудности самого разного рода, среди которых самым главным был острый недостаток времени.

В будущем я намереваюсь разобрать еще несколько крупных сюжетов, среди которых будут сюжеты о том, как русские захватили Амур, об истории Джунгарского ханства, о падении могущественного Алтын-хана и о том, как это повлияло на русские владения в Сибири. Будет также сюжет о том, как Российская империя и Цинский Китай разделили между собой Центральную Азию. Это будет новая книга, скорее всего с названием «Раздел Азии». Мне хотелось бы «Песок на крови» объединить с этим продолжением под общим названием «Раздел Азии», да, видно, не выйдет.

Поскольку в России вышло уже немало книг, в которых авторы выступают против официальных версий самого разного рода, то мне понятно, что мою книгу также будут критиковать. Поэтому я заранее обращаюсь к своим будущим критикам – если появилось такое желание, то критикуйте публично, а не в сборниках типа «братская могила» или на келейных конференциях. Обещаю не оставить без внимания и ответного выступления ни один критический отзыв.

Надеюсь дожить до тех пор, когда отношение к истории будет спокойным и трезвым, не настоящим ни на каких политических соображениях, когда возможно будет заниматься любыми темами. Я надеюсь дожить до тех времен, когда история Сибири займет достойное и подобающее ей место в мировой истории. Есть надежда, что мой труд внесет свой посильный вклад в это дело.

*Автор.
Красноярск – Москва
Март 2003 – декабрь 2004*

Миф первый. Покорение Сибири Ермаком

"Военные действия дружины Ермака и войск воеводы Воейкова, в результате которых было ликвидировано ханство Кучума, носили не завоевательный, а освободительный характер по отношению к народам Сибири".

Г. П. Башарин

"Задачи, выпавшие русскому народу, были поистине грандиозными. Тяжелый, нередко губительный климат, неизмеримые пустынные пространства, редкое первобытное население – все это, казалось, делало колонизацию Сибири невозможной".

В. Г. Мирзоев.

Миф о покорении Сибири Ермаком занимает почетное место в системе исторической мифологии государства Российского. Еще бы, именно с этого события началось неудержимое распространение государства на восток, захват огромных площадей с колоссальными богатствами, что и вывело Россию в число лидирующих стран мира. С тех пор внутренняя политика и экономическое развитие идут с переменным успехом, но Россия всегда играет очень заметную роль на мировой политической арене. "Могущество России будет прирастать Сибирью", – сказал один из зачинателей русской патриотической мифологии и страстный борец за ее чистоту Михайло Ломоносов. Так оно и было, и все эти 300 лет могущество России ошутимо прирастало сибирскими соболями, зерном, углем, металлом и нефтью с газом.

В системе мифов, которые объясняют присоединение Сибири к России, этот миф занимает центральное место, и является источником всех остальных мифов. Вся остальная мифология, в том числе мифы о "мирном присоединении", "крестьянской колонизации" и о том, что «никаких войн не было», берут свое начало обоснование в мифе о покорении Сибири Ермаком. Происхождение всего длинного и развесистого куста мифологических представлений связано с тенденциозным истолкованием первого события в истории русского господства в Сибири – похода Ермака.

Автора, автора!

Как и большинство исторических мифов, сей миф имеет весьма давнее происхождение. В своих основах он стал формироваться еще в середине XVII века, практически на основе воспоминаний участников этого похода, которые в 1622 году при составлении синодика павших в битве у Чувашского мыса, еще были живы. Ну и на основании очень своеобразных условий того времени.

Обратиться к прославлению Ермака заставили неотложные политические нужды. Первый этап в создании великого патриотического мифа о Ермаке совпал с крайним ухудшением положения на границе русских владений в Сибири. В 20-х годах XVII века с русскими граничили владения ойратов, западномонгольского народа, кочевавшего по Иртышу. Это был очень многочисленный народ, который мог выставить в общей сложности 120 тысяч всадников. Даже ничтожной доли этого войска вполне хватило бы, чтобы выбить русских из Сибири, тем более, что в то время гарнизоны в острогах редко превышали 100–200 человек.

Ойраты воевали с казаками, и в 1619 году казахский хан Есим собрал большое ополчение, напал на ойратов и нанес им тяжелое поражение. Оно было настолько сильным, что ойратам пришлось бросить свои кочевья в верховьях Иртыша, и перейти к северу, на степной берег Оби, непосредственно к границам русских владений. Это вызвало огромную тревогу в русских городах, ибо достаточно было одного ойратского удара, чтобы взять города. Правда, ойраты, ослабленные поражением и перекочевкой, не предпринимали враждебных действий. Но все равно, русские принялись укреплять свои позиции: усиливать укрепления и отряды, запасать продовольствие и боеприпасы к возможной осаде.

Вот тут-то тобольская архиепископия внесла свой посильный вклад в организацию обороны русских владений в Сибири. В Тобольск были вызваны казаки, ходившие в поход с Ермаком, и позже поселившиеся в Сибири. С их помощью был составлен первый синодик погибших казаков в решающей битве у Чувашского мыса. Архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан предписал во всех церквях воздавать "вечную память" Ермаку и его казакам, как пострадавшим за христианскую веру (Копылов Д. Ермак. Иркутск, «Востоchnосибирское книжное издательство», 1989, с. 6). Этим церковь старалась сплотить русских жителей Сибири перед лицом угрозы.

Спустя 15 лет после этих событий, в 1636 году, когда обстановка более или менее успокоилась, была составлена первая повесть о Ермаке. Ее автором стал дьяк архиепископа Тобольского и Сибирского Макария Савва Есипов. Его повесть еще известна под названием Есиповской летописи. Название у нее было длинное, и само по себе уже отражает идейные пристрастия автора: "О сибирстей стране, како соизволением Божиим взята бысть от русского копья, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и соединомысленною".

Это был самый первый этап мифотворчества. Для Саввы Есипова не была важна сама по себе фигура Ермака, как покорителя Сибири. Поэтому он в повести упоминается, но не выводится на первый план. В. Г. Мирзоев пишет: "Ермак, хотя и постоянно упоминается, однако не наделяется какими-то индивидуальными чертами, которые возвышали или даже отделяли бы его от остальных казаков. Его роль вождя в повести не подчеркнута, – ни вообще, ни в отдельных случаях..." (В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. с. 26).

Главным для дьяка было то, что Сибирь была присоединена к России исключительно усилиями верноподданных царских слуг, во главе с Ермаком. Для Саввы Есипова был важен сам факт завоевания Сибири, и не важна была фигура главного завоевателя. Для автора важно было подчеркнуть, что завоевание Сибири было «предусмотрено» Провидением именно для

русских и совершено с божьего «разрешения». Дьяк в этом отношении был сыном своего времени, которое устанавливало свои представления о мире.

Именно Савва Есипов стал автором одно из самых живучих мифов о завоевании русскими Сибири. Для того, чтобы объяснить, почему русские сумели разгромить превосходящие силы Кучума, и закрепиться в захваченной столице ханства, Савва впервые высказал убеждение, что эти победы достались благодаря мужеству и храбрости казаков, а также превосходству огнестрельного оружия над луками. Это убеждение живет вот уже более трехсот лет, и судя по всему, не собирается сдавать своих позиций.

Мысль о превосходстве огнестрельного оружия родилась из представления о том, что русский отряд, приведенный в Сибирь, был крайне малочисленным. Ко времени Саввы Есипова в русских городах уже успели забыть обстоятельства похода Ермака, и автору повести пришлось черпать сведения из рассказов последних живых участников похода, опрошенных в Тобольске в 1622 году, при составлении синодика павших во время этого похода. Казаки подробно описали битву у Чувашского мыса 26 октября 1582 года, закончившуюся взятием Искера, и перечислили по памяти имена погибших в ней казаков. Этот синодик и рассказ очевидцев были для русских очень долгое время практически единственными источниками сведений о походе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.